

СПОР

Ник. Шпанов

Рассказ

Я знаю, вы не любите длинных вступлений. Но что делать, на этот раз должен начать именно с этого, чтобы дать ясное представление об обстановке, в которой мы работали.

Дело было на крайнем северном фланге. Там, где дальше только море и небо. Полярные сумерки нависали на нас с немолчаливой, приводившей в уныние тех, кто впервые зимовал под этими широтами. Не то чтобы серебряная полутьма, навалившаяся на нас, действовала на нервы, как это пишут в романах. Нет, дело было в том, что полярная ночь окрашивает все под один унылый, сероватый тон, лишенный каких бы то ни было теней. Это делает трудным отыскание целей на земле и нахождение противника в воздухе, облегчает противнику путь ко всякого рода подвохам.

Мы работали бок о бок с англичанами. Не стану подробно рассказывать вам, что это за ребята. Хорошие ребята! Командир их группы, флайт-командер Арчибальд Крисс очень сошелся с Прохором. Они охотно нависли друг другу визиты. Может быть, даже несколько чаще, чем того требовала дружба. Я подозреваю, что одной из причин тому был неизбежный тост, который они неизменно поднимали друг за друга и за своих летчиков при каждой встрече.

Но вот в один прекрасный день вся эта слаженность пошла насмарку. Над краем вселенной, служившим нам базой, пронесся буран неустойчивой силы. Один из тех ураганов, что знаменует собою приход полярной зимы. Мы с трудом отстояли свои самолеты от натиска ветра. У англичан поломало один «харрикэйн» (что послужило поводом для очередного визита Прохора к Криссу). Более серь-

езным для обеих групп бедствием было то, что ураган разрушил проволочную связь, соединяющую нас с внешним миром, то есть с командованием, постами ВНОС и морской пехотой, удерживающей побережье.

И нужно же было случиться так, что именно в это время радио принесло с берега сообщение: пользуясь темнотой и снежным буряном, противник вошел в одну из шхер танкер.

Остальное не требовало пояснений. Мы знали, что натиск противника задерживается тем, что вся масса его технических средств скована отсутствием горючего. Наши бомбардировщики систематически срывали снабжение немцев горючим как с моря, так и с суши. Да немцы и не могли подтянуть бензин в большом количестве. Они располагали только собаками, оленями и самолетами. Этими способами противник с трудом поддерживал свою авиацию.

Понятно, что появление танкера имело огромное значение для всего участка. Задача нашей авиации заключалась в том, чтобы сжечь танкер, не дав противнику его разгрузить. Это было делом бомбардировщиков. Прохор и Крисс так и общались морякам. Однако вскоре пришел ответ: бомбардировочная группа не может выслать ни одного самолета. Приведенная причина была достаточно уважительна. По мнению моряков, единственным средством

воздействия на танкер являлись наши истребители. Они оставались самолетами. Этого морякам достаточно, чтобы считать их всемогущими.

Прохор и Крисс выслали по звону. Танкер был жестоко обстрелян из пулеметов и пушек и забросан мелкими бомбами. Но наших калибров было явно недостаточно, чтобы причинить ему серьезные повреждения. А тем временем противник с лихорадочной поспешностью выгружал горючее. Дорог был каждый час.

Вернувшись с этого задания, я стал обоим командиров в землянке Крисса, спорящими на неиссякаемую тему тарана. Крисс лежал на

своей складной койке, поверг груды пушистого меха, которым был обшит его спальник мешок. Ноги его в таких же меховых сапогах казались огромными и тяжелыми. Было даже удивительно: неужели ими можно двигать? Крисс курил и с видом крайне заинтересованным следил за бликами, рождавшимися в пустом стакане, сквозь который он шурлся на раскаленный докрасна камелек. Прохор ходил из угла в угол по тесной землянке. Он умудрялся стучать по земляному полу даже мягкими подошвами унтов. Разговаривая, он всегда деятельно жестикулировал — вывезенная с юга привычка, от которой я безуспешно пытался его отучить, прося во время разговора засовывать руки за пояс. Бросая сердитые взгляды на любующегося своим стаканом Крисса, Прохор кричал:

— Не разводите мне ваших теорий! Скажите прямо и ясно: почему ваши ребята не таранят, никогда не таранят фрицев? Кишка тонка?!

Не отрывая взгляда от вспыхивающего алмаз бликами стекла, Крисс сказал:

— Мне очень жаль обижать вашу кишку, дорогой мой Прохор, но боюсь, что дело совсем в другом.

Крисс лежал на своей складной койке.

Рис. худ. Е. Хомас.

Я еще не наблюдал ни одного воздушного боя моих летчиков, который не был бы закончен раньше, чем они израсходовали свой комплект снарядов и патронов. В таких условиях таран — бессмыслица.

— Арчи, не крутите! — крикнул Прохор и стукнул кружкой по ящику, служившему хозяину стойлом: эту кружку Крисс всегда подсовывал Прохору после нескольких разбитых в азарте спора стаканов. — Не крутите, мой дорогой Арчи! — повторил Прохор. — А ежели ваш летчик израсходует боекомплект?

— Он поступит, как ему подскажут долг и разум.

— Непременно у вас этот «разум», — насмешливо произнес Прохор.

— О, непременно, — спокойно согласился Крисс. — Это основа существования разумного существа.

— Одно сознания долга вашему «разумному существу» мало?

— Если верить сэру Артуру Мак Грегори...

— Это что еще за птица: Грегори?

— Профессор этики в Глазгоуском университете. Я очень любил его лекции. Убедительный старик!

— А я, когда лечу в бой, стараюсь забыть о том, что на свете есть университеты, — убежденно промолвил Прохор. — К сожалению, в университетах не учили рубить фрицев. А следовало. Но думаю, что университет этот у вас сейчас так... для тумана пущен.

Арчибалд спустил свои стромные ноги с койки и удивленно уставился на Прохора. Голубые глаза англичанина делались все более серыми, холодными, почти бесцветными, по мере того как он глядел на собеседника. Рыжая щетинка волос на продолговатом черепе пламенила в багровом сиянии камелька. Пальцы руки, в которой был зажат стакан, сжимались все тесней. Вот-вот они раздавят стакан. Медленно, стараясь как можно яснее выговаривать слова, Крисс произнес:

— Вероятно, я недостаточно понимаю по-русски. Что значит: туман?

— Как раз то, о чем вы думаете, — решительно сказал Прохор, останавливаясь перед хозяином. — Да, да, то самое — кишка!

— Если бы вы не были моим другом, Прохор... — начал было Крисс, и глаза его сделались совершенно стеклянными.

Но тут его прервал стук в дверь. Прибыло новое радио. Моряки наставляли на уничтожении танкера силами авиации, то есть наших истребителей.

Прохор и Арчи забыли о том, что секунду назад готовы были не на шутку поссориться. Я видел, что их мысль с одинаковым упорством ищет решения.

— Ну что же, — сказал Прохор, обращаясь ко мне, — сходим еще разок звенышком... Не зажжем, так хоть помешаем выгрузке, — он взялся за шлем и шагнул к выходу.

— Хэлло, Прохор! — остановил его англичанин. — Не выйдете!

Прохор в недоумении остановился. Рука его повисла в воздухе.

— Не выйдете звенышком, — решительно повторил Крисс. — Это полумера.

— А что же по-вашему мера? Послать туда всю эскадрилью? Этого я сделать не могу. В любой момент может придти другое задание.

— Чудесно, Прохор! — подтвердил Крисс, натягивая меховой комбинезон. — Оставайтесь на своем аэродроме. Это правильно. На танкер пойду я.

— Что значит «я»? — спросил Прохор. — Вы с вашими ребятами?

— Нет, именно я — один.

— Не понимаю, — я редко видел на лице Прохора выражение такого искреннего удивления. — Не валийте дурака, Арчи! Что значит «я»?

— Может быть, меня нужно только немного прикрыть, чтобы я наверняка дошел до танкера. — Кончая одеваться, Крисс усмехнулся: — Вот, если угодно, вы меня можете прикрыть.

— Может быть, вы соблаговолите объяснить ваши намерения... чтобы я мог действовать как «разумное существо»?

— А вам мало одного сознания долга прикрыть товарища? — насмешливо спросил Крисс. — Если угодно, я возьму свое зveno.

Прохор ничего не ответил. Круто повернувшись ко мне, бросил:

— Прикажи подготовить к вылету командирское зveno.

— Разрешите мне с тобой? — проговорил я, разбрасывая желанием еще раз сходить к танкеру.

— Хорошо, пойдешь правым ведомым.

Через десять минут мы были в воздухе, развернулись и пошли к побережью. Метров на пятьсот ниже

нас шел Арчибалд. Мы внимательно следили за серой мутью, в которую стремительно врезались наши остроносые осы, чтобы не дать какому-нибудь фрицу неожиданно клюнуть англичанина.

По лицу Прохора, когда мы селись в самолеты, я видел, что он не верит в предприятие Крисса. Я слышал, как Прохор сказал на прощанье комиссару:

— Кишка у него тонка.

— Чего ты хочешь? — комиссар укоризненно покачал головой. — Ссоры?

— Вот увидишь, он выкинет какой-нибудь фокус — я все. Ну, пацаны, тогда я ему покажу, как нужно работать. Я ткну этот поганый танкер. У меня-то он запялает!

— Что ты задумал? — обеспокоенно спросил комиссар.

— Наверно, не то, что англичанин! — крикнул Прохор сквозь шум винта.

— Эй, командир! — крикнул было комиссар, но струя вихря от винта согнула его влвое.

Не знаю, понял ли комиссар Прохора, но, судя по тому, как он пытался еще что-то кричать сквозь рев мотора, я думаю: понял. Прохор не остановился перед тем, чтобы ударить в танкер своим самолетом, если нет другого способа зажать судно.

Подходя к цели, Крисс стал снижаться. Над бухтой он развернулся, делая левый заход, словно собираясь бомбить. Мне не нужно было видеть Прохора, чтобы знать, что в этот момент на его лице появилась торжествующая усмешка: кишка тонка. Но прежде чем я успел это подумать, мое внимание было привлечено мелькнувшим сбоку силуэтом самолета. Фрицы! Шестерка!

Прохор повел нас в атаку. Она была стремительна, как всегда. Но при всем напоре нам нужно было время, чтобы втиснуть в бой всю шестерку. Прежде чем нам это удалось, одно зveno немцев успело отрезать Криссу путь к танкеру. Я заметил, как он смело пошел вразрез строю «мессеров», намереваясь, повидимому, разогнать их и присоединиться к нам. Затрудняюсь точно описать, что происходило дальше. Мы дрались. Почти одновременно два «мессершмитта» загорелись и пошли вниз беспорядочными витками. Было совершенно очевидно, что один из них падает прямо на стоящий в бухте танкер. Через несколько

секунд негнущиеся клубы черного, как деготь, дыма закрыли всю шхеру. А к тому времени, когда мы закончили драку с немцами, сквозь этот дым пробивались уже багровые языки пламени. Танкер пылал. Мое внимание привлекли странные движения «харрикейна». Повидимому, он плохо слушался пилота. Либо машина повреждена, либо Крисс ранен. Англичанин с трудом выдерживал направление на свой аэродром. Даже сверху было видно, как он сел на брюхо, вздымая тучи снега.

Едва посадив свою осу, Прохор выскочил из кабины и, увязая в снегу, побежал к «харрикейну».

Вопреки ожиданию Крисс был невредим.

При всем желании казаться спокойным Прохор не мог скрыть своей радости. Арчибалд как ни в чем не бывало шагнул к своей землянке. Прохор приветствовал его издалеки движением руки, и мы отправились к себе.

— Ах, аж его заешь! — воскликнул по дороге Прохор. — Хотел бы знать: в чем заключался его фокус? Я мог только пожать плечами.

— Наверно, какой-нибудь фортель, — еще раз сказал он, садясь за ожидавший нас обед; любопытство терзало его.

Вечером Крисс явился с ответным визитом. Оба приятеля делали вид, что ничего не случилось. Ни один не заговаривал о происшествии. Но я не мог отказать себе в удовольствии затащить в уголок адъютанта Крисса, молодого веселого лейтенанта Кэннора. Разогрев его как следует всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, я заставил его говорить.

Заручившись словом, что я ни в коем случае не проговорюсь Прохору, он сказал:

— Улетая к танкеру, командир сказал мне, что зажжет его ударом своего самолета.

Спокойствие, с которым Кэннор это произнес, показалось мне подозрительным.

— Вы уверены, что правильно поняли его? — спросил я. — Крисс хотел таранить танкер?

— Ведь другого способа уничтожить судно не было! — пожал плечами лейтенант.

Я посмотрел в сторону друзей. Рыжая голова Крисса ярко светилась под лампой. Он спокойно объяснял Прохору правила покера — нового увлечения моего командира.

Примечания

1. Источник получения текста рассказа Ник. Шпанова «Спор»: журнал «Огонек», 1942 г., №3, стр. 11-12.

2. Рассказ принадлежит к циклу рассказов Ник. Шпанова о летчике Прохоре. Рассказы первоначально публиковались в 1941-1942 г.г. в журналах и сборниках («Человек в очках» — «Огонек», 1941, №35, стр. 11-12, «Музыкант» — «Огонек», 1942, №15, стр. 11-12, «Слепень» — «Великая Отечественная война», сборник №1, Москва, 1942, стр. 210-217. Список, возможно, неполный). Среди рассказов этого цикла два рассказа посвящены взаимодействию наших лётчиков с английскими союзными лётчиками: «Спор» и «Точка зрения».

В 1942 г. вышла первая книжная публикация этих рассказов — авторский сборник «Горячее сердце» (М: Советский писатель, 1942 г., 71 стр., тир. 25 т.э.), в составе 8 рассказов (Горячее сердце — Слепень — Человек в очках — Музыкант — Точка зрения — Адъютант — Пятьдесят бесконечностей — Чудесная скрипка) в него вошёл один рассказ, в котором участвует английский лётчик — «Точка зрения».

После войны рассказы переиздавались один раз в книге Ник. Шпанова «Горячие сердца» (М: Трудрезервиздат, 1955 г., 183 стр. тир. 15 т.э., худ. А. А. Лурье). Книга состоит из двух частей: «Прохор и его товарищи» и «Мальчик из Полесья» (биографич. пов-ть о Герое Советского Союза летчике Н.Ф. Гастелло). В переиздание вошли 5 рассказов и цикла о лётчике Прохоре («Горячее сердце», «Слепень», «Человек в очках», «Музыкант» и «Чудесная скрипка»). Таким образом, в последней книжной публикации нет ни одного рассказа, в котором действуют английские лётчики.

3. Сканирование производилось с разрешением 600 DPI. В pdf-файле имеется слой с распознанным текстом, в распознанном тексте имеется некоторое количество ошибок распознавания, которые не исправлялись. Тексты, не относящиеся к публикации, из сканов удалены.

Сканирование, подготовка документа и составление примечаний — Максим Безгодов.
Санкт-Петербург, 28 апреля 2012 г.